

ДЕНЬ ВСТРЪЧЪ.

ДЕНЬ ВСТРЪЧЬ.

I.

Въ жизни мирныхъ обывателей Россіи, Германіи, Франціи и Англии въ началѣ дѣла 1914 года ничто не предвѣщало близости и необходимости войны. Всѣ, какъ всегда, занимались своими дѣлами и дѣлишками, а если иногда и заходили разговоры о войнѣ, то она все же казалась еще очень далекою. Европейцы привыкли къ своему домашнему міру, и онъ казался имъ неизбѣжимымъ. Жили спокойно, какъ у подножія давно дремавшаго вулкана наканунѣ внезапнаго изверженія. И не знали, что скоро всѣ они будутъ захвачены могучимъ потокомъ мировыхъ событій. Но уже еле-зримая тѣнь этихъ событій зловѣще ложилась на дѣла и на помыслы людскія...

Розовые и бѣлые цвѣли каштаны. Въ воздухѣ тихой, чистой деревни Розенау мило звучали птичьи щебеты и звонкіе голоса только что опущенныхъ изъ школы дѣтей. Блѣдно-красная черепица кровель на темно-красныхъ кирпичныхъ домикахъ казалась только что вымытою прилежными хозяйками, но вымыта была она про-

шедшимъ вчера веселымъ теплымъ дождикомъ, хозяйки же въ этотъ часъ мыли плитняныя ступеньки своихъ домовъ.

Въ саду и въ огородѣ около школы песочныя дорожки были гладки и грядки были ровны, и яблони, обѣщая хороший урожай, радовали глаза. И все было чисто и прибрано въ комнатѣ молодой учительницы Гульды Кюнеръ.

Гульда стояла у окна и разсматривала свои башмаки, наклонившись слегка и приподнимая немного спереди свое платье. Вешня очарованія въ этотъ милый день по радовали Гульду. Не потому, чтобы она очень устала,—она была сильная, здоровая дѣвушка съ красными щеками, съ высокою грудью, съ большими руками и ногами и школьныя занятія не утомляли ее. Выросшая въ трудовой крестьянской семьѣ и въ бѣдности, она считала свою работу легкою и свое положеніе очень хорошимъ.

Весь этотъ день Гульда испытывала жестокое безпокойство и страхъ. Отъ этого ея красивое, крестьянское, грубоватое лицо съ правильными и крупными чертами, смягченными милою полумаскою веснушекъ, иногда багряно всыхивало, словно наливаясь кровью, уши были очень красны, и красивыя руки, только что чисто вымытыя, болѣе обыкновеннаго,—отъ холодной воды—красныя, крупныя, унаследованныя отъ многихъ поколѣній нѣмецкихъ мужиковъ, дрожали замѣтно.

Гульда воляковалась потому, что сегодня утромъ получила неприятое письмо. Школьный инспекторъ ея округа, господинъ Адольфъ Веллеръ, приглашалъ ее для неосложнаго, весьма важнаго разговора сегодня отъ трехъ до четырехъ часовъ дня. Весь день для Гульды былъ этимъ письмомъ испорченъ. На урокахъ Гульда была очень расбѣяна и невнимательна и вела себя съ

дѣтьми очень неровно,—то не замѣчала шалостей, то съ удвоеннымъ усердіемъ принималась шлепать мальчишекъ и дѣвчонокъ линейкою по спинамъ и по пальцамъ.

Едва отпустивъ дѣтей, Гульда стала собираться въ городъ Кельбергъ гдѣ жилъ господинъ школьный инспекторъ. До города считалось четыре съ половиною километра.

Гульда, пытаясь обмануть себя и отвлечь внимание отъ безпокойныхъ предположеній, думала о своихъ поношенныхъ башмакахъ. Новыхъ у нея не было, — новыя она купитъ изъ того жалованья, которое получить надѣялась. Гульда получала достаточно для нея самой, но она удѣляла кое-что на воспитаніе и обученіе младшаго брата, помогая въ этомъ старой матери. Поэтому ей приходилось быть очень бережливою и весь ея годовой бюджетъ былъ расчисленъ впередъ по мѣсяцамъ,—когда что можно купить.

Наконецъ Гульда рѣшила, что башмаки еще достаточно крѣпки. Было безъ пяти минутъ два. Пора идти, а то вѣдь, позжалуй и охладѣешь. Сердце Гульды сильно забилось, когда она, стоя передъ маленькимъ зеркальцемъ, стала надѣвать свое праздничное свѣтло-розовое платье и соломенную желтую шляпу съ голубою лентою.

Что же такъ волновало и страшило сегодня бѣдную Гульду?

II.

Дней пять тому назадъ случилась съ Гульдою въ школѣ неприятная исторія. Одинъ изъ ея учениковъ непосѣдливый краснощекий мальчишка Антонъ Шмидтъ разсердилъ Гульду какою-то глупою, надобѣдивою шалостью. Гульда нашлаппала его по спинѣ линейкою, а такъ какъ

ей показалось, что эти плетки недостаточно вразумили шалуна, то она вдобавок дала ему пощечину, да так неосторожно, что у него из носа пошла кровь. Гульда смутилась, — она не ожидала таких последствий. Мальчишка, утирая нос грязным кулачком, сердито пробормотал что-то. Гульда не расслышала. Она спросила притворно-спокойным голосом:

— Что ты там бормочешь?

Антонъ опасливо покосился на нее, и промолчал. Мальчики смѣялись, радуясь внезапному развлечению. Дѣвочки сидѣли скромно, съ такимъ видомъ, какъ будто это ихъ не касается. Кто-то услужливый изъ мальчишекъ поторопился сказать Гульдѣ:

— Онъ говоритъ, что пожалуется.

Смущенная Гульда ярко покраснѣла. Она стояла посреди класса въ неловкой позѣ, и не знала, что сказать.

Антонъ искоса кинулъ на нее быстрый, хитрый взглядъ и принялся отпираться:

— Я этого не говорилъ. Очень мнѣ нужно жаловаться! Я и не думаю жаловаться. Я—не дѣвчонка. Мнѣ въ прошломъ году Эрихъ Реннеръ тоже носъ расквасилъ, однако, я никому не жаловался.

Гульда спросила:

— А что же ты говорилъ сейчасъ?

Антонъ отвѣчалъ:

— Я говорилъ: простите, больше не буду.

По смѣшливому тону его голоса и по хитрому взгляду его зеленовато-сѣрыхъ глазъ было видно, что онъ говоритъ неправду. Мальчишки смѣялись. Заулыбались и дѣвочки.

Гульда наконецъ сообразила, что надобно сдѣлать. Она отправила Антона умыться холодною водою, чтобы остановить калающую изъ носа кровь.

Весь остаток того дня Гульда провела очень беспокойно. Она все ждала, что вот-вот постучатся в дверь и войдет мать Антона, почтенная вдова Марта Шмидт. Войдет, и начнет говорить неприятныя, укоряющія и угрожающія слова. Съ грубостью и съ мелочностью, свойственными богатымъ мужикамъ во всѣхъ странахъ земного шара, скажетъ она много такого, что совсѣмъ къ этому случаю не относится, но чѣмъ можно уколотъ и унижить. Скажетъ, напримѣръ:

— Такая бѣдная дѣвушка, какъ вы, должна была бы дорожить такимъ мѣстомъ.

Или:

— То-то пріятно будетъ вашей матери, когда зашь выгонять съ этого мѣста.

Но госпожа Марта Шмидт не пришла. Мало-по-малу Гульда стала забывать объ этой исторіи, — и уже думала она, что все это прошло и позабыто. И вдругъ сегодня письмо отъ школьнаго инспектора.

За чѣмъ зоветь ее Веллеръ? Неужели изъ-за этой глупой исторіи? Какъ не перебирала Гульда въ умѣ всѣ свои школьныя и служебныя обстоятельства, она никакъ не могла найти другое правдоподобное объясненіе этого визита. Вѣдь если бы это было что-нибудь обыкновенное, Веллеръ могъ бы сказать третьяго дня на кладбищѣ, во время похоронъ одной изъ городскихъ учительницъ, Анны Крафтъ. Единственное, что оставалось предположить, — Антонъ пожаловался своей матери, а та, со скрытностью старой крестьянки, никому не сказавъ ни слова, сходилa въ городъ, и пожаловалась школьному инспектору, — вотъ послѣдствія этой жалобы.

Гульда боялась вѣрить этому, и старалась найти другое объясненіе. Если это такъ, то страшно и подумать о томъ, что могутъ сдѣлать съ Гульдой. Еще хорошо, если

дѣло кончится стройнымъ выговоромъ. А то могутъ перевести въ другую школу,—Гульдъ было бы это очень неприятно,—или и вовсе уволить отъ службы. Что же тогда скажетъ гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ, дядя ея миллаго? Онъ и безъ того ужъ сколько времени упрямится дать согласіе на ихъ бракъ. А безъ согласія господина гофлиферанта обойтись невозможно,—жалованье Карла Шлейфа слишкомъ невелико.

Испуганное воображеніе Гульды рисовало ей будущее въ самыхъ мрачныхъ очертаніяхъ. Если госпожа Шмигль нажаловалась школьному инспектору, то, конечно, ее уволятъ. Даже не дадутъ другой школы. Правда Гульда почти никогда не навлекала на себя никакихъ замѣчаній, и была вообще на хорошемъ счету. Но сегодня она думала, что школьный инспекторъ Веллеръ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы свести кое-какіе личные счеты съ нею.

Одна только и была надежда на то, что Антонъ ничего не скажетъ матери, и что ее вызывають по какому-то другому дѣлу.

III.

Гульда взяла дождевой зонтикъ—на всякій случай,—и отправилась въ дорогу. Дорога предстояла пріятная и легкая,—полями и перелѣсками. Напимать экипажъ и лошадь на такое небольшое разстояніе въ такой прекрасный, теплый день Гульда не хотѣла. Зачѣмъ дѣлать лишній расходъ, если можно итти пѣшкомъ? Притомъ же поѣздка въ экипажѣ привлекла бы общее вниманіе, и вызвала бы разные толки, тогда какъ пѣшкомъ можесъ пройти гораздо незамѣтно.

Встрѣчалось больше людей, чѣмъ бы хотѣлось Гильдѣ. Пока она шла по улицѣ деревни все еще было ничего и имѣло видъ обычной прогулки. Выдавалъ только дождевой зонтикъ, вызывая любопытные взгляды.

Встрѣчные кланялись Гильдѣ, какъ всегда, приветливо, съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ покровительственной ласки, который свойствененъ всякому собственнику по отношенію къ тому, кто, стоя въ какомъ-нибудь отношеніи выше его, имѣетъ мало денегъ. Но Гильдѣ иногда казалось, что на нее такъ смотрятъ потому, что уже всѣ въ деревнѣ знаютъ о ея дѣлѣ и смѣются надъ нею. Ласково-привѣтливныя лица взрослыхъ и дѣтей казались ей насмѣшливыми.

Антонъ Шмидтъ попался ей навстрѣчу. Здѣсь, энѣ школьныхъ стѣнъ, на вѣтвѣхъ солнцѣ, у изгороди, за которою весело и буйно зеленѣли кустарники. Антонъ казался еще болѣе румянымъ, веселымъ и хитрымъ, чѣмъ всегда. Кланяясь Гильдѣ, онъ такъ махнулъ шапкою, словно въ это рукѣ былъ неистощимый запасъ силъ дѣлающій каждое его движеніе чрезвычайнымъ.

Гильда подозвала его. Ей захотѣлось поскорѣе провѣрить, жаловался ли онъ. Знать бы навѣрное, зачѣмъ зоветъ ее Вейлеръ. Но какъ спросить мальчика? Чуть было не спросила прямо, но удержалась какой-то самолюбивый расчетъ. Она подумала покрасѣла и, слегка заинаясь, сказала:

— Ну что, Антонъ, твоя мать довольна твоимъ поведениемъ?

Антонъ весело засмѣялся, и со всѣмъ благопріятіемъ, къ какому только былъ способенъ, отвѣчалъ:

— Да, госпожа Кюннеръ, мама уже давно не бранила меня.

Онъ держалъ шапку въ рукѣ. Его круглая голова

сжились во всѣ стороны остриженными рыжеватыми
вихрами, и крутой лобъ блестѣлъ отъ капелекъ пота и
отъ усердныхъ усилий говорить какъ по книжкѣ.

Гульда спросила:

— Развѣ твоя мать не знаетъ, какъ ты шалилъ въ
школѣ?

Антонъ отвѣчалъ:

— Уже нѣсколько дней, госпожа Кюнерь, я не полу-
чалъ отъ васъ ни одного замѣчанія.

Гульда сказала:

— А развѣ ты забылъ, какъ я наказала тебя въ про-
шлую пятницу? Развѣ ты скрылъ это отъ своей матери?

Антонъ живо спросилъ:

— А развѣ вы, госпожа Кюнерь, хотите пожало-
ваться?

Напускное благопріятіе соскочило съ него, и на его
лицѣ отразились страхъ и злость. Онъ думалъ:

«Носъ расквасила, да еще жаловаться хочеть!»

И это онъ считалъ большою несправедливостью. Дѣ-
ло казалось ему поконченнымъ, и вновь поднимать его
было не къ чему.

Гульда увидѣла по его лицу, что онъ боится ея жа-
лобы. Значитъ,—подумала она,—онъ не сказалъ. На ко-
роткое время ей стало весело. Но вдругъ пришло ей въ
голову, что вѣдь объ этомъ случаѣ могли рассказать его
матери другіе. Опять ей стало тоскливо, и она быстро
пошла впередъ.

Антонъ шелъ за нею, и упрасивалъ, чтобы она ничего
не говорила его матери. Чѣмъ ближе подходили они къ
дому вдовы Шмидтъ, тѣмъ плаксивѣе становился его го-
лосъ. Гульда думала, что хитрый мальчишка только при-
творяется испуганнымъ, а въ душѣ смѣется надъ нею.
Она строго поглядѣла на него, и сказала:

— Антонь, не иди за мною. Я твоей матери не видѣла съ тѣхъ поръ, и пока еще не собиралась съ нею говорить. Не воображай, что у меня только и заботы, что о твоихъ шалостяхъ.

Антонь остановился. Гульда почувствовала на своей спинѣ его внимательный взглядъ.

IV.

Марта Шмидтъ стояла на высокомъ крыльцѣ своего дома. Какъ у всѣхъ крестьянъ въ той мѣстности это былъ кирпичный домъ подъ черепицею, и стоялъ онъ, какъ у всѣхъ между садомъ, выходящимъ на дорогу, и огоро- домъ сади дома. Марта Шмидтъ вьзала чулокъ, и смотрѣла на дорогу.

Остановившись у калитки сада, Гульда первая сказа- зала:

— Добрый день, госпожа Шмидтъ.

И ей самой стало стыдно, что въ голосъ ея звучали заискивающія нотки. Марта, улыбаясь какъ любезная хозяйка, сказала:

— Добрый день, госпожа Кюнерь. Погода хорошая, а у васъ зонтикъ въ рукахъ. Не собрались ли вы въ да- лекую прогулку? Но отчего вы не взяли съ собою кого- нибудь изъ дѣтей?

Гульда отвѣчала:

— Я иду въ Кельбергъ.

Марта удивилась.

— За покупками? Но отчего же вы такъ нарядились? И вы безъ мѣшка.

— Нѣтъ, госпожа Шмидтъ, не за покупками, и не на прогулку. Меня приглашаетъ господинъ инспекторъ Вел- зеръ.

Говоря это, Гульда внимательно и тревожно смотрѣла на Марту. Марта сказала привѣтливо:

— Зайдите же, госпожа Кюнеръ, посидите немного. Любопытство засвѣтилось въ узкихъ глазахъ старой женщины. Гульда сказала:

— Благодарю васъ, госпожа Шмидтъ. Я посижу минутку съ вами на крыльцѣ, но я должна не опоздать. Господинъ инспекторъ будетъ ждать меня только до четырехъ часовъ, и позже притти было бы невѣжливо, да господинъ инспекторъ, можетъ быть, не будетъ дома, или будетъ занятъ.

Марта, усмѣхаясь съ видомъ человѣка, прожившаго на свѣтѣ и видѣвшаго людей, сказала:

— Не беспокойтесь, госпожа Кюнеръ, вы имѣете достаточно времени, и придете въ назначенное время. Вы можете посидѣть у меня четверть часа. Скажите, зачѣмъ же вызываетъ васъ господинъ школьный инспекторъ?

Гульда отвѣчала:

— Не знаю. Можетъ быть, какая-нибудь жалоба?

Голосъ ея слегка дрогнулъ при этихъ словахъ. Марта махнула рукою:

— Что вы, госпожа Кюнеръ! Кто же можетъ жаловаться! Всѣ въ Розенау довольны вами.

Гульда нервнѣе сказала:

— Да ужъ я не знаю.

Она взошла на ступени крыльца, и сѣла на скамейку у двери. Марта сѣла рядомъ съ нею, и говорила:

— Ужъ не хочетъ ли господинъ школьный инспекторъ предложить вамъ должность учительницы въ Кельбергѣ на мѣсто покойной госпожи Крафтъ?

— Этого не можетъ быть,—сказала Гульда.—Госпожа Крафтъ только пять дней назадъ скончалась, и господинъ школьный инспекторъ не успѣлъ еще объ этомъ

подумать. При томъ же, я думаю, что есть и другіе желающе, старше меня.

Поговоривъ съ Мартою минутъ пять о разныхъ деревенскихъ новостяхъ, Гульда пошла дальше. Такъ она и не узнала жаловалась ли на нее Марта или нѣтъ.

V.

Гульда торопилась. Плотнo-убитая пѣшеходная дорожка вдоль шоссе казалась ей нескончаемо-длинною. И уже когда, пройдя липовую рощу надъ рѣкою, у проѣзда къ усадьбѣ богатаго землевладѣльца, барона фонъ-Танненберга, она завидѣла издали бѣлые домики города она съ отчаяніемъ подумала, что еще остается два километра.

За рѣкою дорога круто поворачивала, и снова шла рощею. Здѣсь совсѣмъ неожиданно Гульда встрѣтила молодого человѣка, высокаго и сильнаго. Она аарумянилась радостно. Въ глазахъ ея засвѣтился тихій восторгъ. Это былъ ея женихъ, Карлъ Шлейфъ, племянникъ гофлиферанта Генриха Шлейфа. У него были голубые, ясные глаза, румяное лицо, мягкіе русые усы, широкіе плечи и онъ казался Гульдѣ олицетвореніемъ мужской красоты и силы. Онъ говорилъ:

— Какая пріятная встрѣча! Мой патронъ поручилъ мнѣ уладить одно очень важное дѣло съ барономъ фонъ-Танненбергомъ, но я могу проводить тебя немного. Ты гуляешь или по дѣлу? Ты такая сегодня нарядная, и такая красивая.

Гульда, дрожа и краснѣя отъ волненія, могла только слабо обрадоваться похвалѣ ея милаго. Она сказала:

— Мнѣ надо въ Кельбергъ.

Карлъ вынулъ часы, подумалъ немного и сказалъ:

— Я могу пройти съ тобою десять минутъ по напра-

вденно къ Кельбергу, но затѣмъ я принужденъ буду продолжать свой путь. А зачѣмъ тебѣ надо въ Кельбергъ?

Гульда рассказала Карлу о случаѣ съ Антономъ Шмидтомъ и о своихъ опасеняхъ. Карлъ нахмурился. Онъ сказалъ:

— Гульда, ты поступила очень неосторожно. Конечно, мальчишекъ нельзя не бить, но не надо бить ихъ по носу.

Гульда жалобнымъ голосомъ сказала:

— Я боюсь, Карлъ, что меня уволятъ.

Лицо Карла приняло неприятное жесткое выраженіе. Казалось, что его усы жестко топорщились забывъ свою мягкую холеность, и глаза вдругъ посѣрѣли, когда онъ говорилъ:

— Мой дядя гофлиферантъ, и такъ не хочетъ согласиться на нашъ бракъ. Я надѣялся его уговорить. Но его самодушіе не позволитъ ему помириться съ тѣмъ, чтобы я женился на дѣвушкѣ, которую выгнали со службы за то, что она дурно исполняла свои обязанности.

Гульда воскликнула:

— Я хорошо исполняла свои обязанности. Онъ самъ виноватъ—онъ вертѣлся, когда я его наказывала, тогда какъ онъ долженъ былъ стоять смирно.

Разговоръ кончился взаимными упреками. Разстались, холодно простившись. Гульда плакала. Но некогда было долго заниматься этимъ,—близокъ былъ уже и годъ.

VI.

И вотъ новая встрѣча. Товарищъ Карла, Отто Шарфъ. Онъ тоже ужаживалъ за нею. Но ей не нравилось, что онъ небольшого роста, черноволосый, и что онъ похожъ на

еврея. Онъ казался ей насмѣшливымъ и черствымъ, и она даже побаивалась его. И теперь, когда онъ вѣжливо поклонился Гульдѣ, ей казалось, что онъ съ насмѣшливымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ ея глаза и догадывался, что она только что плакала.

Отто Шарфъ спросилъ ее, почти тѣми же словами, какъ и Карлъ:

— Какая прятная встрѣча! Госпожа Кюнеръ, куда вы идете?

Робѣя, какъ школьница передъ учителемъ, Гульда сказала:

— Къ господину школьному инспектору.

Улыбаясь, говорилъ Отто Шарфъ:

— Я это знаю.

Гульда досадливо покраснѣла и сказала:

— Если вы бываете у господина Веллера, то неудивительно, что вы это знаете.

Отто Шарфъ спросилъ:

— А знаете, зачѣмъ приглашаетъ васъ господинъ Веллеръ?

— Нѣтъ,—сказала Гульда.— А зачѣмъ?

Забывъ свою досаду, она съ любопытствомъ смотрѣла на него,—ужь очень хотѣлось поскорѣе узнать. Продолжая улыбаться насмѣшливо, какъ казалось Гульдѣ, а на самомъ дѣлѣ робѣя и волнуясь почти такъ же, какъ она, онъ сказалъ:

— Я бы вамъ сказалъ, госпожа Кюнеръ. Но вы такъ непривѣтливы со мною.

Гульда упрямивала:

— Скажите, прошу васъ!

— Улыбнитесь мнѣ ласково, — настаивалъ Отто Шарфъ.

Гульда улыбнулась ласково, сложила руки ладонями вмѣстѣ, и молящимъ голосомъ говорила:

— Прошу васъ, скажите, милый господинъ Шарффъ. Любуясь ея смущеніемъ и ея любопытствомъ, Отто Шарффъ радостно улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо, только не говорите господину Веллеру, что я вамъ сказалъ это: господинъ Веллеръ хочетъ предложить вамъ лучшее мѣсто.

Гульда сердито воскликнула:

— Вы надо мной смѣетесь!

Покраснѣла, и быстро пошла дальше. Отто Шарффъ въ недоумѣніи смотрѣлъ за нею. Онъ не могъ понять, почему Гульда не вѣритъ ему.

VII.

Подходя къ дому Веллера, Гульда встрѣтила двухъ его дочерей, дѣвушекъ лѣтъ семнадцати, шестнадцати. Ихъ простенькія бѣлыя платья и свѣтлыя шляпы показались Гульдѣ очень нарядными, и ущемили ея взятнымъ томленіемъ зависти.

Дѣвушки смѣялись чему-то своему.—Гульдѣ показалось, что надъ нею. Старшая изъ дѣвушекъ сказала:

— Отецъ васъ ждетъ.

Гульда со страхомъ вошла въ домъ. Молодая служанка провела ее въ кабинетъ господина Веллера.

Толстый Веллеръ сидѣлъ въ креслѣ у письменнаго стола, сосалъ толстую сигару, и крѣпко держалъ толстыми пальцами карандашъ, которымъ онъ водилъ по строкамъ какой-то лежавшей передъ нимъ на столѣ бумаги, винка въ ея смыслъ съ такимъ усердіемъ, что весь лобъ его себрался въ глянцевитыя морщины и толстая шея покраснѣла больше обыкновеннаго. дочитавъ бумагу, онъ под-

нять сонные глаза на Гильду, и молча показал ей пальцем на стѣнные часы. Было без двух минут четыре. Гильда замерла отъ страха. Веллеръ кивкомъ головы показалъ ей на стулъ у стола, и сказалъ:

— Садитесь, госпожа Кюнерь.

Гильда робко подошла и сѣла. Веллеръ молча смотрѣлъ на нее. Наконецъ сказалъ:

— Вы—красивая молодая дѣвушка, госпожа Кюнерь, и этотъ логкомысленный молодой человекъ не достоинъ васъ. Впрочемъ, я пригласилъ васъ по дѣлу.

И опять замолчалъ.

Сказать или не сказать?—думала Гильда.—Онъ самъ знаетъ. Или не знаетъ? Честно поступая, надобно самой сознаться. Но мало ли бываетъ маленькихъ событийъ въ школь, —не обо всемъ же надобно говорить.

Гильда сидѣла и не знала, что сказать. Веллеръ смотрѣлъ на нее неподвижно. Въ головѣ Гильды быстро пронеслись воспоминанія о томъ, какъ Веллеръ вскорѣ послѣ смерти своей жены, сдѣлалъ ей предложеніе. Тогда—это было годъ тому назадъ,—Гильда уже любила Карла Шлейфа, и потому отказала Веллеру. Веллеръ до сихъ поръ еще не былъ женатъ, и Гильда думала, что онъ затаилъ злобу противъ нея.

Веллеръ вынулъ сигару изъ рта, и внимательно взглянулъ на Гильду.

«Знаетъ, конечно, все знаетъ!» вдругъ подумала Гильда. И, не стерпѣвъ страха ожиданія, неожиданно для самой себя, рассказала про случай съ Антономъ.

Къ ея радости и удивленію, этотъ рассказъ не произвелъ на Веллера никакого впечатлѣнія. Веллеръ молча выслушалъ и сказалъ:

— За то, что мальчишка на васъ ворчалъ, намъ надо было дать ему нѣсколько хорошихъ ударовъ линейкой по

спитъ. Но я не понимаю, зачѣмъ вы мнѣ все это рассказываете. Вы обязаны поддерживать дисциплину на вашихъ урокахъ.

Веллеръ побарабанилъ пальцами по столу, и сказалъ:

— Госпожа Кюнеръ, я пригласилъ васъ вотъ по какому дѣлу.

Гульда чувствовала, что сердце ея мучительно замедляется. Ея руки дрожали. Голосъ Веллера доходилъ до нея словно издалека. Веллеръ говорилъ:

— Вамъ извѣстно, что госпожа Крафтъ скончалась. Школьный совѣтъ намѣтилъ васъ на ея мѣсто. Я долженъ спросить васъ согласны ли вы перейти на это мѣсто.

Отъ радости и отъ волненія у Гульды закружилась голова. Она воскликнула, всплеснувъ руками:

— Ахъ, господинъ инспекторъ!

И ужъ не могла ничего сказать. Очевидно, никто на нее не жаловался, иначе ей не предложили бы этого мѣста, гдѣ жалованье больше и квартира лучше.

Веллеръ слегка усмѣхнулся и сказалъ:

— Я вижу, госпожа Кюнеръ, что вы согласны. Надеюсь, вы будете достойны. А теперь, покончивъ съ этимъ дѣломъ, поговоримъ о другомъ.

Веллеръ запыхтѣлъ, усиленно засосалъ сигару, окружилъ себя скверно-пахнущимъ дымомъ, и заговорилъ торжественно и волнуясь:

— Госпожа Кюнеръ, вы знаете мои чувства по отношению къ вамъ. Но вы предпочли мнѣ легкомысленнаго молодого человѣка. Однако, онъ не торопится жениться на васъ.

Гульда сказала:

— Мы надѣемся, что господинъ гофлиферантъ согласится...

Веллерь прервал ее:

— Госпожа Клонеръ, обращаюсь къ вашему благо-
разумию. Скоро будетъ война, молодой человекъ пой-
детъ, потому что числится въ запасѣ, и на войнѣ онъ мо-
жетъ быть убитъ. Я же не пойду, такъ какъ мнѣ сорокъ
шесть лѣтъ. Я уже старъ для войны, но еще достаточно
молодъ для семейной жизни.

— Господинъ Веллерь,—сказала Гюльда,—о войнѣ
ничего не слышно.

Веллерь побаранилъ пальцами по столу, и сказалъ
увѣренно, какъ знающій:

— О, не слышно! Читаете ли вы внимательно вашу
газету? Знаете ли вы что-нибудь о русской большой
военной программѣ и о русскомъ флотѣ, который будетъ
готовъ въ будущемъ году? Если мы теперь не будемъ
воевать, то и никогда.

Гюльда спросила:

— Но зачѣмъ намъ воевать?

Веллерь отвѣчалъ:

— Если мы есть великая нація, то намъ нужны
рынки. Намъ нужно сокрушить Францію и отобрать ей
колонию. У насъ есть культурная миссія на Балканскомъ
полуостровѣ и въ Малой Азии. И для нашего народа ма-
ло земли, а въ Россіи земли много, и мы можемъ ее за-
воевать. И должны завоевать, потому что грубый и дикая
русскій народъ есть только податника для нашего вели-
каго германскаго народа. Германия должна быть сильнѣе
всѣхъ и диктовать всему миру свою волю, и тогда на-
станетъ эпоха вѣчнаго мира, и наши товары будутъ имѣть
сбытъ на всемъ земномъ шарѣ, чего они и заслуживаютъ
по своей прочности, дешевизнѣ и красотѣ.

Веллерь помолчалъ, глядя прямо на Гюльду. Гюльда

не знала, что сказать. Она боялась сказать, что любит Карла и будетъ ему вѣрна, боялась, что тогда Веллеръ рассердится и оставитъ ее на прежнемъ мѣстѣ въ Розенау.

Веллеръ всталъ, протянулъ руку Гульдѣ, и сказалъ:

— Итакъ, госпожа Кюнерь, подумайте внимательно надъ тѣмъ, что я вамъ сказалъ. Отвѣтомъ я васъ не тропаю.

VIII

Гульда вышла отъ Веллера, точно ея на крыльяхъ вынесло. Шла сия. И опять встрѣтила Карла, недалеко отъ рѣки, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ и первый разъ.

Онъ нѣжно утѣшалъ ее. Говорилъ ей ласково:

— Я былъ глупъ и грубъ. Я не брошу тебя. Пусть гофлиферантъ откажетъ мнѣ въ наслѣдствѣ и въ деньгахъ, я проживу и безъ него. Ну, что сказалъ тебѣ господинъ школьный инспекторъ?

Сіяющая отъ радости и отъ гордости Гульда рассказала о томъ, что Веллеръ предложилъ ей мѣсто въ Кельбергѣ. Карлъ увѣренно сказалъ:

— Ну, теперь я не сомнѣваюсь, что гофлиферантъ дастъ свое согласіе на нашъ бракъ.

IX.

Гульда не волновалась бы всѣ эти дни, если бы слышала одинъ разговоръ мальчишекъ. Гульда не сіяла бы сегодня, если бы слышала одинъ разговоръ взрослыхъ.

Въ тотъ день, когда она побила Антона Шмидта, послѣ уроковъ, къ Антону подошелъ на улицѣ Альбертъ Кернъ, рослый рыжеватый мальчуганъ съ длинными ру-

нами, одѣтый въ узкую одежду, которая казалась уже тѣсною и короткою для его быстрого роста. У него было сердитое лицо и угрожающій видъ. Антонъ посмотрѣлъ на него опасливо, соображая, за что Альбертъ можетъ его поколотить. Альбертъ сердито спросилъ:

— Антонъ, ты пожалуешься твоей матери на учительницу?

Антонъ отвѣчалъ:

— Вотъ еще, нашелъ дурака! Чтобы мнѣ еще и дома влетѣло!

— Зачѣмъ же ты сказалъ, что пожалуешься?—сердито спрашивалъ Альбертъ.

Антонъ захохоталъ и сказалъ:

— А такъ, чтобы ее поугаты. Видѣлъ, какъ она покраснѣла?

Альбертъ говорилъ все такъ же сердито:

— Слушай, Антонъ, если ты хоть подлова скажешь дома о томъ, что она тебѣ расквисила носъ, то я тебя изобью, какъ собаку. Пусть потомъ дѣлаютъ со мною, что хотятъ, но ты меня будешь помнить.

Антонъ опасливо покосился на сжатые кулаки Альберта, и сказалъ:

— Я не скажу ни матери, ни кому другому, можешь быть спокоенъ.

Другой разговоръ былъ сегодня, за нѣсколько минутъ до второй встрѣчи Гульды съ Карломъ. Карлъ и Отто Шарфъ встрѣтились у воротъ въ паркѣ фонъ-Танненберга. Шарфъ рассказалъ Карлу о томъ, что Гульда переходитъ въ городъ и получаетъ тамъ очень хорошее мѣсто. Оттого такъ и нѣженъ былъ съ нею Карлъ.

Ничего этого Гульда не знала, и потому была весела. И еще потому она была весела, что знала то, чего не зналъ Карлъ. Она смотрѣла на него нѣжно, и думала:

«Если Карль не успеет обвиняться со мною, и пойдеть на войну, то надо будеть серьезно подумать о предложениі господина Веллера. Карла, можеть быть, и не убьют на войнѣ, но ему могуть оторвать руку или ногу. Быть женою однорукаго или одноногаго очень неприятно, и ужь лучше носить имя госпожи Веллеръ».

Эти мысли очень растрогали и разнѣжили Гульду, и прощаясь съ милымъ при выходѣ изъ лѣбочка, она нѣжно поцѣдовала его. Такъ нѣжно, что Карль весь этотъ день чувствовалъ въ своей душѣ райскую музыку.